

Очень возможно и вероятно, что «Мудрая редька», «Луна, поэт, собака и чина» были посланы в газету до того, как Горький получил некоторые «справки» и поэтому рукописи были не напечатаны. В мемуарной литературе есть сведения о том, что в редакции «Волжского вестника» были напечатанные рукописи Горького.

Таким образом, в нашем распоряжении находится не беловая рукопись, а только часть черновой, ставшая у Горького после послы, рукописи в газету.

Но имея ее и в таком виде, мы можем судить о замысле рассказа в целом. По своему жанру и характеру рассказ примыкает к таким сатирическим аллегориям, как «Разговор по душе» — разговор Доброде-тели и Порока, напечатанный в «Волжском вестнике», и там же напечатанный рассказ «О чужом, который лгал, и о Лиле — любительнице истины» — единственной «аллегория» тех лет, введенная впоследствии Горьким — не без колебаний впрочем, — в состав собрания сочинений.

Хотя Алексей Максимович и не выразил в письме сожаления об утере «Редьки», как он это сделал в отношении «Поэмы», но думается, что он не случайно вспомнил о ней.

По содержанию своему рассказ об этой философствующей редьке не только весьма значителен для молодого Горького, но от этой сатиры тянутся нити далеко в будущее.

Нетрудно видеть, что это — сатира на мешанский индивидуализм и мешанский пессимизм, социально-психологические явления, которыми Горький яростно боро- лся всю жизнь и в художественном творчестве и в публицистике.

Отсюда, от этого раннего гротеска Горького, от его образов и мыслей идут и рас- сказки его 90-х годов о мешанско-интели- гентах, и персонажи пьес «Мещане», «Дач- ник», старичок-странник в «Исповеди», «Заметки о мешанстве», публицисти- ческие реакции на «Русские сказки» и пер- сонажи «Клима Самгина».

В статье «Разрушение личности» 1908 го- да Горький так нападал на реакционную литературу:

«О чем говорит современный литератор? «Что есть жизнь?» — говорит он. — Все есть пища смерти, все. И хорошее, и дур- ное, солёное тобой, исчезнет со смер- тью твою, человек. Всё — равно и все- равно ничтожно! Близкие тебе, твои, твои...»

«Слушая эти новые слова, мешанин от- ворачивает голову: «Так, не стоит тратить жизнь, и бесполезно стараться из- менить ее, добро и зло — равноценны. И зачем искать смысла жизни? Примем и по- любим их такими, каковы они есть, напол- ним их всеми наслаждениями, доступными нам, и они будут легко и приятно поло- щаться нами»».

А в одном из писем того же времени Горький говорит о мешанском индивиду- ализме, как о болезни, заставляющей че- ловека «всю жизнь возиться со своей ду- шой, как с картошкой, подобно решету, ниче- го в себе не держит, ибо находится в постоян- ном трепете». Этот человек обыкновенно орет: «Ах, не хочу культуры, не хочу бу- дущего, какое мне дело до человечества!»

В образе Ромюна из пьесы «Дачники» Горький, еще до наступления времени ми- шанской реакции, отлично предугадал эти настроения, так же как в образе писателя Шалимова из той же пьесы предвосхитил реакционную литературу и ее идеологию: Бердяева, Струве, Сологубова, веховцев, от- части Л. Андреева.

В жанре гротеска Горький вернулся к этой теме в образе поэта Смертишкина и

затем в реалистическом плане в очень вну- шительной фигуре философа Томилана из эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Примеча- тельно и то, что гибель Самгина тождес- твенна гибели мудрой редьки.

Редька гордится своей способностью мы- слить, эта способность привнесла ее к за- ключению, что «все существующее есть только дичь и чепуха», что сущность су- ществования под этим уютным телом го- лубым небом равна нулю. И все же от страха гибели, от страха смерти душа ее находится, как у человека, охарактеризо- ванного в письме Горького, «в постоянном трепете». Маня величия, побуждаящая редьку мечтать о пантеизме, который по- ставляет на месте, где она отдыхала во вре- мя своего путешествия, хорошо сочетае- тся с мыслями редьки о «всеобщности зла», вызванными появлением мухи.

Все эти гротескные образы были, можно сказать, эмбриональными в отношении бу- дущих мотивов творчества Горького. Но есть в этом рассказе нечто особое, что мы не встречаем в других произведениях Горького, что в рамках философии редьки о при- роде, о розах, о мире пародировать фило- софа, который Горький увлекался именно в эти годы, прочтя в Тифлисе, в 1892 году, его основное произведение. Это Шопенгау- эр. Это станет еще убедительнее, если принять во внимание, что в вариантах чер- новика самое название философского трактата, который собирается редька писать после своего путешествия, «Мир, как он есть», а не «Мир, как он есть», как ошибкой, и неопределенно-пародировать на- звание трактата Шопенгауэра «Мир, как воля и представление».

В библиотеке Алексея Максимовича, сре- ди самых ранних книг ее, сохранился этот трактат Шопенгауэра, специально перепле- тенный с тиснением на нем «Алексей Пеш- ково». По всем этим признакам книга, ви- димо, была весьма ценна владельцем.

В марте 1935 года у нас с Алексеем Мак- симовичем зашла речь о немецкой фило- софии, Алексей Максимович говорил, что не любит ее. Я спросил: «А почему же лю- бите Шопенгауэра?»

«Алексей Максимович весело и несколько загадочно улыбнулся и ответил: «Во-пер- вых, за то, что очень хорошо пишет, а во- вторых, за то, что ясно, чего он хочет».

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал:

«Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требует исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что худо- жник может похернуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут о- громную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требует исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что худо- жник может похернуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут о- громную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требует исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что худо- жник может похернуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут о- громную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требует исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что худо- жник может похернуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут о- громную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требует исследования и обещает быть интерес- ной.

Творческий лозунг эпохи

или наглые хозяева ее, и что они ищут в его произведениях не поучение, не при- зыв к действиям, а только развлечение и отдых. Горький бросил в лицо этим своим читателям гневные слова: «...если бы я верил в силу проклятия, я проклял бы вас всех, но я верю в нечто другое. Скоро придет иные люди, люди смелые, честные, сильные, — скоро».

Рассказ «О писателе, который застрял», подвела итог «инициентам», сам явился причиной еще одного, пожалуй, самого знаменательного из них. Горький прочел этот рассказ 6 ноября 1901 г. в Нижнем на прославленном банкете, устроенном местной интеллигенцией в связи с высылкой пи- сателя из родного города, прочел в ответ на адреса и приветственные речи. Часть собравшихся восприняла этот рассказ как несправедливо грубый и оскорбительный. Другие приняли его с восторгом, не имея оснований относить горьковские упреки на свой счет, но вполне разделяя его отноше- ние к буржуазной интеллигенции. Присе- дившие смеющееся ярко сказало на событии следующее дня, когда Горькому было прочтено второе чтение его письма к возмате: обидные не пришли, а остальные составили ядро демонстрации, которая явилась началом большого общественного движения и была, как известно, высоко оценена Лениным. А через несколько лет, уже находясь за пределами России, Горь- кий столь же откровенно высказал свое отношение и к западно-европейской бур- жуазии поклонникам его таланта: «Го- лода! Искренне говорю вам честному писателю и социалисту глубоко оскорби- тельна любовь буржуа. Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения».

В 1885 г. в письме к М. Каутскому Фри- дрих Энгельс указывал: «...в наших усло- виях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не при- нимающих прямо к нам кругов, а поэту социалистический тенденциозный ро- ман целиком выполнять, на мой взгляд, все назначение, правильно изображая ре- альные отношения, разрывая господство- щие условные иллюзии о природе этих от- ношений, расшатывая оптимизм буржуа- зного мира, вселяя сомнение по поводу не- изменности основ существующего поря- дка, хотя бы автор и не преследовал этой никакой определенной цели и даже иной раз не становился явно на чью- либо сторону».

Время, когда совершал свое идейное и творческое самоопределение Горький, уже резко отличалось от времени, охаракте- ризованного Энгельсом. Наступила новая эпоха, которую сам Энгельс в 1893 г. на- звал началом «пролетарской эры». Теперь революционный писатель уже не должен был изображать буржуазного человека в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, ко- торая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чался буржуазный распад, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, ко- торая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чался буржуазный распад, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции.

Выход пролетариата на авансцену исто- рии означал появление того нового массо- вого читателя, читателя-друга, о котором могли только мечтать писатели прошлого, и который самым фактом своего появления производил революцию в искусстве. Те- перь уже недостаточно было добросовест- но изображать реальные отношения и неискренне вводить иллюзии, а надо было выражать пафос наступающего рево- люционного класса, прямо и открыто ста- новиться на его сторону, внедрять его идеи в массы.

Когда писатели типа Шалимова из «Дач- ников» замечали приход нового массового читателя, они в испуге отступали и от реализма, с его оружием критики, и от романтической романтики, с ее пафосом борьбы и страдания, на позиции да- лека от реалистического творчества Горь- кий усилил в своем творчестве и крити- ческий, и утверждающие начала. Именно в произведениях 1898—1901 гг. поднялся на новую высоту критический пафос Горь- кого. В повестях «Фома Гордеев» и «Трое», в пьесе «Мещане» Горький довел до такой глубины и остроты разоблачение буржуазных отношений, что смог уже то- гда показать их внутреннюю разложив- шись, разваливающийся распад. Это были замеча- тельно по яркости и убедительности картин, действительно способные вселить «сомне- ние по поводу неизменности основ су- щующего порядка». Но в то же самое время и в тесной связи с этим Горький от произведения к произведению расширял изображение и утверждение того нового, того положительного, революционного, что уже возникло в жизни. Образ мешан- ина явился новой ступенью в творческом развитии Горького и в развитии всей ли- тературы.

Иными словами, творческие искания Горького на рубеже двух веков, сложность и напряженность этих исканий, и в част- ности, отмеченная противоречивость в оценках реализма, — все это отражало пе- лопольный характер самого исторического момента. И решение тех проблем, которые

тогда волновали Горького, не могли при- ти из литературы самой по себе, а должно было получить основание в развитии дей- ствительности. Революционный пафос, действительность партии большевиков, даль- нейшее развитие марксизма в трудах Ле- нина — вот что формировало Горького как общественного деятеля, и как художника и определяло его творческие искания. Ле- нин отставил революционную романтику, выдвигал принципы партийности литерату- ры, подымавший на новую после Маркса и Энгельса ступень литературную теорию марксизма, — вот что подсказало Горькому решение важнейшей творческой проблемы, привело его к выводу о необходимости со- единения реализма и революционной ро- мантики.

Если мы теперь вернемся к горьковским высказываниям 1932 года, — нам будут уже более ясны их особенности. В них по- лупит выражение поиски нового творче- ского лозунга, который соответствовал бы задачам новой эпохи — эпохи создания со- циалистического бесклассового общества.

В апреле 1928 года имел место такой эпизод. В газетах было опубликовано пи- сьмо Горького литкружкам одной профтех- нической школы. Литкружковцы спрашивали, как Горький относится к спорам критиков о том, пролетарский он писатель или не пролетарский Горький ответил, что эти споры его не интересуют. Он ответил так не только потому, что ему было известно мнени- е на этот счет самого пролетариата, а и по другой, не менее важной причине. «...Термин «пролетарский», на мой взгляд, не совсем отвечает действительному положению трудовой массы Союза Сове- тов...», — писал Горький. — Пролетариатом именуется, как вы знаете, класс людей, жи- вущих личным заработком и не имеющих никаких средств к существованию. Но прило- жимо ли это наименованию кочевников, крестьян Союза Советов, трудовой мас- се, которая жила в свои руки политиче- ская власть в стране и постепенно овла- дывает всем хозяйством, всеми сокращаю- щими землями... К этой мысли Горький не раз возвращался. «Я часто слышу слово «про- летарии», — говорил он, например, в своей речи на Влэдиавказе. — Вот шесть лет тому назад, уезжая отсюда, я оставил про- летариев, разоренных войной, более бед- ных, чем пролетарии других стран. Но прошло шесть лет, я снова приехал сюда, и мне не хочется говорить о «пролетариа- тах». Я не вижу здесь пролетариев, вижу настоящих хозяев, в руках которых фабрика и заводы, в руках которых политическая власть... Нет уже пролетариев, есть на- стоящие хозяева страны».

Пронесли великие перемены. Соци- ализм побеждал, преобразовывал старые классы, вносил в жизнь миллионов людей. Но и это было не менее важным, чем в 1928 г., становилось с годами все не- уместным. Могли ли оставаться без изме- нения старые творческие понятия и лозун- ги? Конечно, нет. Быстрее прежде глав- ным и определяющим в области револю- ционного искусства понятие «пролетарской литературы» терпело теперь в нашей стране свою правомерность, а бывшее прежде не- определенным и расплывчатым понятие «социалистического искусства» приобрело те- перь определенный и точный смысл — в условиях сложившейся, окрепшей диктату- ры пролетариата, сложившегося и окреп- шего советского государства, в условиях победоносного строительства социализма. И замечательно, что именно после поста- новления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. явилось постановление, в котором были ук- азаны основные задачи и творческие пе- чени, именно после этого Горький стал говорить о недостаточности «приме-ров реализма», о несовместимости их с героиче- ским пафосом нашей действительности и о необходимости новых приемов, новых художественных форм.

После великих социалистических побед, которые произвели глубочайший револю- ционный перелом во всей жизни, равнове- сие по своим последствиям Октябрьской революции 1917 года, еще более явными стали несоответствия старого типа. Характерно, что именно в последние годы Горький широко развил свое учение о «критическом» реализме, раскрыв сильные и слабые стороны классического реализма XIX века. Но дело было не только в новой, еще более глубокой переоценке этого ре- ализма, а в том, что потребовалась новая развития и горьковская идея соединения реализма и революционной романтики.

Чем больше сама реальная действитель- ность наполнялась социалистическим со- держанием, тем менее правомерным ста- вилось противопоставление реализма, как критического начала, и романтики, как начала утверждения. Отныне задача ут- верждения переходила к самому реализму, отныне реализм сам должен был стать романтическим — впервые в художествен- ном развитии человечества героика и ге- роический пафос завоевали для себя место в самом реализме. Все это надо было за- нять в какой-то новой творческой фор- ме — Горький не сразу ее нашел, но он остро почувствовал ее необходимость и первый заявил об этом. И если прежде творческие искания Горького нашли для себя основание в ленинском принципе пар- тийности литературы, — то теперь такую же роль для Горького сыграло выдвинутое

товарищем Сталиным понятие социалисти- ческого реализма.

«Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе», — указывал Горький в пи- сьме к Афиногенову, — реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, проделанной партией за 13 лет» (Архив Горького). Эту мысль Горький подчеркивал неоднократно и, ис- ходя из нее, указывая на неправомерность противопоставления реализма и романтики в условиях социалистической действитель- ности. Так, призывая в статье «О чужом и о точке» изображать героя нашего време- ни «выше и крупнее всех героев всех на- родов и веков», Горький спрашивал: «Этот романтизм?» И отвечал: «Едва ли, товари- щ. Я думаю, что вот это и есть социали- стический реализм, — реализм людей, ко- торые изменяют, перестраивают мир, ре- алистическое образное мышление, основан- ное на социалистическом опыте». И ту же мысль он еще более резко формулировал в статье «О бойкости»: «Революционный романтизм — это, в сущности, искажение социалистического реализма, назначение не только критически изобразить прошлое в настоящем, но, главным обра- зом, — способствовать утверждению рево- люционно-достигнутого в настоящем и ос- ществлению высоких целей социалистического будущего».

Замечательное сталинское определение раскрыло эстетический смысл всего твор- ческого развития Горького и всего разви- тия советской литературы. Социалисти- чский реализм возник тогда, когда возник «социалистический опыт» — сперва в виде массовой революционной борьбы пролета- риата, затем в виде первого в истории пролетарского советского государства. Но только тогда, когда было окончательно ре- шен вопрос «кто кого», когда «Россия на- повсюду» стала «Россией социалистиче- ской», когда «хрустальная» была социаль- ная база для полного, совершенного слияния в художественном творчестве ре- ализма и революционной романтики. Только теперь понятие социалистического реали- зма могло быть выдвинуто в качестве твор- ческого лозунга для всей нашей литерату- ры, для всего нашего искусства.

Хотя Горький с самого начала заклады- вал основание этого нового метода, но в для него возникала необходимость что-то изменить в старом, о чем он писал: «Я хочу усилить его утверждающий пафос». Так поступил Горький со своей пьесой «Васса Железнова», и так он собирался поступить со многими своими произведениями. И тут дело было не в том, прав или неправ был Горький по отношению к этим произведе- ниям, которые и в прежнем своем виде со- хранили значение и жизнеспособность, а в том, как глубоко он почувствовал социальный пафос, в творческой мысли происшедших исто- рических перемен.

Здесь не нужно доказывать, что крити- ческое начало в творчестве Горького не только не притупилось в последние деся- тилетие его жизни, а росло вместе с ро- стом утверждающего героического пафоса — достаточно назвать «Жизнь Клима Самгина». Но необходимо отметить, что в этом бесстрашном правдивом произведе- нии старая горьковская тема мешанства по- лучила новую философскую глубину. Истори- ческая хроника великих революционных собы- тий и повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль- ная повесть о ренегатстве мешанина Самгина вошли в это гениальное произведение не как две составные части, а как художе- ственное целое. Горький показывал, что чем выше поднималась революция, тем ниже падали самгинцы, тем больше они боялись народа и тем сильнее его ненавидели. Та- ким образом, историческая тематика буржу- азной интеллигенции, данная как социаль